

В. И. Ермолович

**КОНСЕНСУАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ
В ПРАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ
И СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ
(сравнительный анализ)**

Предметом исследования в статье являются консенсуальные соглашения в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы, таких как Восточно-Римская империя, Беларусь, Германия, Польша, Чехия, Швеция и русские средневековые государства. Изучена историография вопроса, касающегося предмета исследования. Рассмотрен процесс рецепции норм римского частного права в правовую систему средневековой Сербии и стран континентальной Европы. Проанализирован механизм содержания и правоприменения консенсуальных соглашений и возникновение из них обязательственных отношений.

The subject of research in the article is the consensual contracts in the law of medieval Serbia and European continent countries, as well as Eastern Roman Empire, Germany, the Russian State, Poland, Czechia, Sweden and Byelarus. The historiography of the question which touches upon the subject of research is studied in this scientific article. The process of roman private law reception into the legal system of medieval Serbia and European continent countries was considered. The mechanism of content and enforcement of the consensual contracts was analyzed as well as emergence of legal relationship liability.

Ключевые слова: консенсуальные соглашения, правовое регулирование, сравнительный анализ, Сербия, страны средневековой Европы.

Keywords: consensual contracts, legal regulation, comparative analysis, Serbia, medieval countries of Europe.

Введение. Данное исследование является одной из первых попыток комплексно изучить механизм развития и правоприменения консенсуальных договоров в праве стран средневековой Европы. Сравнительный анализ договоров купли-продажи, найма, аренды и товарищества в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы в данной работе проведен не случайно. Наш выбор обоснован тем, что гражданское право средневековой Сербии, как и ряда других стран Европы, базировалось как на нормах обычного права, так и римского частного права и представляло собой не только типичную, но и одну из передовых правовых систем средневековой Европы. В связи с этим сравнительный анализ договоров купли-продажи, найма, аренды и товарищества в праве рассматриваемых стран весьма актуален, поскольку позволяет детально ознакомиться с состоянием развития ряда норм гражданского права в контексте эволюции права стран средневековой Европы и рецепцией традиций римского частного права. Рассмотрение данного вида договоров в нашей статье – это изучение принципов, положенных в основу консенсуальных соглашений и их практической реализации в средневековом праве Беларуси, Восточно-Римской империи, Германии, Сербии, России, Польши, Чехии и Швеции как типичной модели романо-германской правовой системы стран континентальной Европы.

В настоящее время из числа консенсуальных соглашений, применяемых в эпоху средневековья, сравнительно детально исследован договор купли-продажи. Процесс изучения вопроса правоприменения договора купли-продажи в средневековом праве начался достаточно давно. Первые исследования историко-правового характера появились во второй половине XIX в. Одним из первых исследователей договора купли-продажи в средневековом праве был русский ученый – профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета Ф. Ф. Зигель [1]. Научные разработки сербских ученых, посвященные данному вопросу, появились на рубеже XIX–XX вв. В числе первых сербских исследователей данного вопроса был К. Н. Костиц, который в 1904 г. опубликовал монографию «Торговля и промышленность древней Сербии: изучение истории средневековой культуры сербского народа» [2]. Договор купли-продажи в работе К. Н. Костица рассмотрен в большей мере как экономический фактор, автор не уделил значительного внимания правовому механизму регулирования торговых отношений, рассмотрев его эпизодически.

Реальный вклад в изучение правоприменения договора купли-продажи в средневековой Сербии внесли русские ученые-эмигранты А. В. Соловьев и Т. В. Тарановский, чья научная деятельность занимает особое место в историографии сербского права. Они являются основателями кафедры истории права на юридическом факультете Белградского университета, а за вклад в изучение сербского права получили почетное звание классиков сербской и югославской юридической науки. Вопросу реализации договора купли-продажи в средневековой Сербии А. В. Соловьев и Т. В. Тарановский посвятили ряд специальных исследований [3; 4], которые и сейчас, многие десятилетия спустя, не утратили своей научной значимости. В их научных работах, написанных на богатом фактическом материале, нашли отражение общие и особенные аспекты применения договора купли-продажи в средневековой Сербии.

Заслуживает особого внимания докторская диссертация югославского исследователя Н. Ф. Павкович «Торговля в обычном праве Сербии и Хорватии. Исследование в области юридической этнологии», защищенная в 1970 г. Структурной частью данного исследования является глава «Право купли-продажи в средние века» [5, с. 55–147], где на значительном фактическом материале рассмотрен механизм покупки и продажи недвижимого и движимого имущества в Сербии и Хорватии начиная с XI в. н. э. В диссертации также рассмотрены особенности реализации данного договора в отношении родственников, соседей (сообщинников), других физических и юридических лиц. Исследован вопрос взаимоотношений между совладельцами имущества, их права и обязанности в ходе реализации договора купли-продажи.

На рубеже XX–XXI вв. интерес к становлению и развитию договора купли-продажи в праве средневековой Сербии не прекратился. Об этом свидетельствуют исследования таких сербских ученых, как Д. Гнатович [6], Б. Маркович [7] и др., зарубежных авторов, например, В. И. Ермоловича [8; 9; 10; 11; 12], работы которого издаются на русском и сербском языках в Беларуси, России, Сербии, Боснии и Герцеговине.

Особого внимания заслуживает научная деятельность Б. Маркович – известного в Сербии специалиста в сфере истории материального права. В статье «Договор купли-продажи в законодательстве царя Стефана Душана» [7] Б. Маркович обобщила вклад предшествовавших исследователей по изучаемому вопросу и внесла ряд новых положений, которые, на наш взгляд, обогатили историко-правовую науку в отношении теории и практики реализации договора купли-продажи в праве средневековой Сербии. В частности, Б. Маркович справедливо утверждает, что средневековое сербское законодательство, регламентировавшее действие договора купли-продажи, базировалось на рецепированных нормах из источников восточно-римского права [7, с. 59–60]. Это признание ученым, что договор купли-продажи в праве средневековой Сербии по своему характеру – консенсуальный договор, который был сформирован на основе норм римского частного права.

Белорусская историография изучения договора купли-продажи в средневековом праве также достойно представлена рядом значимых работ отечественных авторов. Этот вопрос нашел свое отражение в докторских диссертациях И. А. Юхо [13] и Т. И. Довнар [14]. В частности, Т. И. Довнар в своей докторской диссертации «Развіццё агульназемскага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях» рассмотрела механизм правоприменения договора купли-продажи в праве средневековой Беларуси на обширном фактическом материале в отношении недвижимой и движимой собственности.

Ряд своих работ, выполненных в жанре сравнительного анализа, посвятил данному вопросу ученик профессора Т. И. Довнар – доцент В. И. Ермолович [10; 11; 12].

Другие консенсуальные соглашения из числа рассматриваемых в данной работе исследованы в гораздо меньшей степени. Так, договор найма и аренды в праве средневековой Сербии исследован в работах Т. В. Тарановского [4] и В. И. Ермоловича [8]. Аналогичный вопрос в праве средневековой Беларуси рассмотрен только в докторской диссертации Т. И. Довнар [14].

Договор товарищества в истории средневекового права также исследован незначительным числом ученых. В сербской историографии права оставила свой след в данном вопросе Б. Маркович [15]. Исследования В. И. Ермоловича по данной проблеме выполнены в жанре сравнительного анализа и посвящены действию договора товарищества в праве как средневековой Сербии, так и Беларуси [16; 17; 18].

В данной статье излагаются результаты исследования, проведенного на основе метода сравнительного анализа указанной группы соглашений в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы, что позволило ознакомиться с механизмом правоприменения ряда норм средневекового гражданского права, которые обеспечивали практическую реализацию консенсуальных договоров, характерных для права всех стран средневековой Европы. Кроме того, выявлены характерные черты консенсуальных соглашений в праве стран средневековой Европы и римского частного права.

Таким образом, в основу данного исследования положена обширная источниковая и историографическая информационная база, а результаты, полученные автором данной статьи, являются прямым следствием проведенного анализа благодаря системному и сравнительно-правовому методам.

Основная часть

1. Договор купли-продажи. Договор купли-продажи в средневековой Сербии базировался на принципах римского частного права, согласно которым одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную сумму денег (цену). В результате указанного вида договора продавец передает покупателю право собственности на проданную им вещь. Налицо факт сделки, для совершения которой достаточно соглашения сторон. Передача вещи является фактом исполнения сделки. Следовательно, договор купли-продажи в праве средневековой Сербии – это классический

образец консенсуального договора в средневековом праве. Рассматривая применение данного вида консенсуального договора в феодальной Сербии, следует учитывать, что участие в этом виде правоотношений широких слоев населения было существенно затруднено: зависимые слои населения, в первую очередь крестьяне, не могли являться полноправными участниками договорных отношений. Имущество зависимых категорий населения являлось собственностью господствующего класса – светских и духовных феодалов. Следовательно, зависимое население в средневековой Сербии могло выступать только в роли условного владельца, который обладал ограниченной правоспособностью, в том числе и в области реализации права покупать и продавать. Реальным собственником имущества являлся феодал, который обладал правом собственности на имущество зависимого от него населения.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники права позволяют судить, что в средневековом Сербском государстве широко применялись нормы обязательственного права, заимствованные из римского частного права. В пользу этого свидетельствует выявленная в 1870 г. Призренская купчая грамота середины XIV в. Ее текст содержит характерную для феодальной Сербии регламентацию гражданских правоотношений, в том числе и договора купли-продажи. Данную точку зрения поддерживает и ведущий научный сотрудник Сербской академии наук и искусств, доктор наук Б. Маркович. В ее научном докладе «Договор купли-продажи в законодательстве царя Стефана Душана», который был озвучен на научной конференции «Средневековое право Сербии в отражении исторических источников» в городе Белграде (19–21 марта 2009 г.), наряду с Призренской купчей грамотой (1346 г.), была сделана ссылка на договор, заключенный 19 января 1438 г., предметом которого являлась продажа усадьбы Радославом Мирковичем в Трепче в собственность монастыря Св. Павла. Оба договора были составлены на основе норм частного права, характерных для Восточно-Римской империи [7, с. 58].

Купля-продажа необходимых товаров осуществлялась на основе принципа свободы внутренней и внешней торговли, который был гарантирован нормами обычного права и в более поздний период времени – постановлениями ст. 18 «О переходе вещей», ст. 119 «О купцах», ст. 121 «О цариниках» (царских сборщиках торговых пошлин. – Прим. В. Е.) «Законника Стефана Душана». Предметом договора купли-продажи являлись объекты движимой и недвижимой собственности. Например, в инвентарях имения монастыря Богородицы в Тетове упоминается земельное владение в Царевом Студенце, которое купил игумен монастыря в голодное время у некоего Кюре и его рода за 20 кабал (1 кабал равен 15 кг. – Прим. В. Е.) жита, мешок сыра и полутку (кадушку) сала [19, с. 98]. Приведенный пример позволяет сделать вывод, что реализация договора купли-продажи осуществлялась как на основе денежного, так и натурального обмена.

Правовой анализ содержания норм Призренской грамоты, который был проведен известным историком сербского права А. Соловьевым в работе «Договор купли-продажи в средневековой Сербии» [3, с. 446] еще в 1920-е гг., свидетельствует в пользу того, что в основе договорного права феодальной Сербии лежали нормы римского частного права, которые отражены в тексте свода восточно-римских законов «Эклоги» и получили широкое распространение у южных славян. Адаптированный к условиям общественной жизни и быта южных славян вариант «Эклоги» получил название «Славянская Эклога».

Из содержания постановлений «Эклоги» следует, что для заключения договора купли-продажи сербское феодальное право не требовало соблюдения строго установленных юридических норм. К примеру, ст. 1 титула IX «Эклоги» гласит: «Письменная или устная продажа и покупка какого-либо рода и, [в частности, какой-либо] вещи производится по оценке, установленной без обмана по соглашению участников. Когда же цена выплачена продавцу, а предмет торга передается покупателю, то такая продажа по изменению намерения одной из сторон не подлежит отмене. Ибо необходимо, чтобы до заключения

соглашения покупатель был точно осведомлен изучением [предмета продажи] и тогда вступил в соглашение...» [20, с. 58]. Значит, договор купли-продажи осуществлялся посредством простого соглашения сторон. Он вступал в силу и порождал правовые последствия с момента достижения соглашения сторон.

Вышеуказанная норма может стать основанием упрощенного правопонимания того, что достигнутое соглашение между продавцом и покупателем ни к чему не обязывает их и что лишь после того, как вещь передана, его условия становятся обязательными для обеих сторон соглашения. Однако не будем конкретную правовую норму рассматривать как универсальную, потому что указанная статья «Эклоги» (Славянская «Эклога», титул X, ст. 1; «Эклога», титул IX, ст. 1) регулирует только условия реализации договора купли-продажи за наличные деньги.

В пользу нашего мнения свидетельствует ст. 2 титула IX «Эклоги» (Славянская «Эклога», титул X, ст. 2). Она предусматривает, что исполнению договора купли-продажи может предшествовать «испытание». В качестве одной из его форм предусматривался задаток [8, с. 29]. Задаток в рассматриваемый период трактовался как денежная сумма или какая-либо вещь, которая дается при

заключении договора купли-продажи. Если договор не исполнялся по вине того, кто внес задаток, виновный терял его. Если договор не исполнялся по вине противной стороны, то полученный задаток должен быть возвращен в двойном размере. Например, статья договора короля Сербии Стефана Первовенчанного с городом Дубровником (1220 г.) гласит: «Вино продавать без примеси воды <...> и если кто приобретет вино, разбавленное водой, то он вправе отказаться от своей покупки» [21, с. 137].

Наличие задатка при заключении договора купли-продажи показывает, что заключение и исполнение договора купли-продажи не всегда совпадали во времени. Договор купли-продажи порождает обязательства сторон не в момент исполнения, а уже в момент заключения договора.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении памятников феодального права Сербии позволяет судить о том, что существенных ограничений для осуществления договора купли-продажи как одного из видов гражданско-правовой деятельности законодатель не устанавливал. Лишь ст. 58 «Законочника Стефана Душана» запрещала представителям непривилегированных сословий приобретать право собственности на землю. Кроме того, продажа предметов недвижимости (земля, строения, мельницы, сады и виноградники) при равных на то условиях согласно ст. 10, 11 «Закона царя Юстиниана», который являлся официальным источником гражданского права в средневековой Сербии, предусматривала первоочередное их приобретение родственниками и соседями (членами соседской общины) продавца [22, с. 206–207]. При этом последние имели право в течение 10 лет оспаривать факт законного приобретения данного имущества посторонним лицом (покупателем со стороны) с правом последующего выкупа данной собственности в свое владение [22, с. 206–207]. Данная правовая норма действовала как в отношении представителей господствующего класса (феодалов), так и свободных крестьян-общинников. Таким образом, мы наблюдаем тенденцию эволюции средневекового договора купли-продажи в консенсуальный договор, становление которого произошло во времена формирования норм римского частного права.

Для сравнения, в Русском средневековом государстве право полной собственности на вещь также передавалось по договору купли-продажи не окончательно и не полностью, о чем свидетельствовало наличие у продавца права выкупить вещь (право, отчасти сближающее договор купли-продажи с договором бессрочного залога). При сделках с недвижимостью средневековый русский законодатель требовал специальной оговорки о полноте передачи прав собственности по договору, однако окончательно это право возникало у покупателя недвижимости не с момента приобретения вотчины, а по истечении 40-летнего срока давности (в течение которого допускался выкуп) [23, с. 150]. В средневековой Польше данное право у покупателя возникало по окончании тридцатилетнего срока [24, с. 129].

Теперь попытаемся взглянуть на состояние регламентации договора купли-продажи в законодательстве ряда крупнейших стран средневековой Европы.

Основным юридическим источником средневековой Германии, где мы находим законодательное закрепление правовых основ договора купли-продажи, является «Саксонское зеркало». Продавец, согласно закрепленным в «Саксонском зеркале» правовым нормам, считался поручителем за законность владения проданной вещи и обязан был защищать покупателя от притязаний со стороны третьих лиц, у которых купленная вещь могла быть украдена, получена путем обмана и т. д. Согласно ст. 36 Кн. 2 «Саксонского зеркала» добросовестным приобретателем признавался тот, кто открыто купил вещь, знал того, у кого он ее купил, мог сказать о том, где совершил сделку, и представить продавца [25, с. 64–65]. Если же он купил вещь на рынке и не знал у кого, то он мог очиститься от подозрения в краже присягой. Собственник имел право виндикации похищенной у него вещи и от добросовестного приобретателя [25, с. 208].

Источник средневекового шведского права – «Ландслаг короля Мангуса Эрикссона» 1347 г. также дает представление об условиях реализации договора купли-продажи движимого и недвижимого имущества. Согласно нормам средневекового права Швеции, изложенным в разделах IV «О недвижимом имуществе» и VI «О купле-продаже движимого имущества» Ландслага, предметом купли-продажи в Швеции могло быть всякого рода движимое и недвижимое имущество. Однако согласно ст. 3 раздела IV Ландслага приоритет при покупке родовой земельной собственности (вотчины) отдавался родственникам продавца. Цена устанавливалась следующим образом: «трое со стороны покупателя и трое со стороны продавца» устанавливали цену на недвижимое имущество. Если продавец не предложил сделать данную покупку своим родственникам, «то тот, кто ее продал, платит три марки штрафа и пусть родственники выкупят ее для своего рода» [26, с. 192]. В соответствии со ст. 2 раздела IV Ландслага родственники в течение одних суток и года имели право на выкуп родовой собственности. Однако, «если они не выкупят ее в течение ночи и года, пусть он имеет право продать эту землю тому, кому пожелает, и после этого родственники никогда не имеют права возбуждать в суде иск об этой земле» [26, с. 192]. Покупка недвижимости в соответствии со средневековыми шведскими законами должна была производиться в присутствии не менее шести свидетелей. При исполнении вышеуказанных условий заключенная сделка считалась действительной.

В отношении благоприобретенного имущества, в том числе и недвижимого, средневековый шведский законодатель уже в XIV в. не устанавливал ограничений на куплю-продажу. Согласно ст. 11 раздела IV Ландслага: «Благоприобретенная земля не предлагается родственникам; кто приобрел эту землю, может делать с ней [все], что хочет, подарить или продать, и продать кому хочет и за сколько сможет...» [26, с. 193], т. е. действовали условия как при реализации договора купли-продажи движимого имущества.

Достаточно скромно выглядит регламентация договора купли-продажи и в средневековом законодательстве Польши. В правовом акте XIII в. «Польская правда» содержится лишь указание на куплю-продажу движимых вещей [27, с. 25–26], в источниках XIV в. мы уже находим данные о купле-продаже движимого и недвижимого имущества, причем в отношении родовых вотчин за родственниками предусматривалось право выкупа отчужденных поместий.

Общие указания по данному виду договора содержатся в ст. 44 «Полного свода статуты Казимира Великого», согласно которой при совершении купли не обязательно требовалась уплата всей обусловленной соглашением сторон цены сразу. Покупатель мог в течение известного времени остаться должником в размере недоплаченной им суммы, при этом у продавца было законное право требовать погашения задолженности или признания сделки недействительной. Однако если продавец не предъявит своей претензии до истечения срока исковой давности, то сделка считалась уже нерасторжимой, иначе говоря, претензии истца не подлежали удовлетворению [28, с. 85–86].

Причина столь упрощенной регламентации правовых норм договора купли-продажи в Германском, Шведском и Польском средневековом законодательстве заключается в том, что немецкие, шведские и польские правоведы находились только на начальной стадии ознакомления с римским частным правом, в то время как сербы, греки и итальянцы постоянно использовали его при решении практических вопросов хозяйственной деятельности.

Договор купли-продажи в средневековой Чехии в большей мере, чем в Германии, Швеции и Польше, основывался на принципах римского частного права. Однако сдерживающие факторы в его развитии были те же, что и во всей средневековой Европе. Зависимое население в средневековой Чехии, которое составляло подавляющее большинство страны, могло выступать только в роли условного владельца, который обладал ограниченной правоспособностью, в том числе и в области реализации права покупать и продавать. Это сдерживало развитие обязательственных отношений.

Стороны, участвовавшие в купле-продаже, назывались *soukupove* («сопокупающие»). Земское право регламентировало главным образом куплю-продажу свободной недвижимости, т. е. той, что была записана в земских досках. Городское право знало множество правил, касающихся купли-продажи движимого имущества. По мнению профессора В. Ванечека, Ю. Белого и ряда чешских исследователей, в рассматриваемый период в Чехии наблюдалось принципиальное изменение в трактовке торгового договора: переход от контракта реального к контракту консенсуальному [29, с. 216; 30, с. 471], который регламентировался в рамках традиций римского права.

В городах в соответствии с пражским правом договоры о купле-продаже недвижимого имущества объявлялись рихтаржу и присяжным заседателям (советникам) в городском суде в устной форме. Этому предшествовало соглашение между самими контрагентами, существенным элементом которого было вручение задатка («божьей денежки»). Соглашение заключалось перед участниками торжественной церемонии распития пива или вина в честь заключения торгового договора (русский «магарыч») [31, с. 92].

Уведомление городского суда о сделке имело тот смысл, что договор мог повлечь за собой протест (например, в случае, когда игнорировалось чье-либо право на продаваемое имущество, нарушались формальности и т. д.). Объявления о продаже недвижимости были вначале четырехкратными, затем трехкратными и, наконец, о них стали извещать городскую раду, после чего договоры заносились в городские книги, доступные для ознакомления. Если в течение «года и дней», т. е. года и шести недель с момента первого объявления, никто не выступал с возражениями или они отклонялись судом, договор купли-продажи признавался правомерным [30, с. 412].

Торговый договор мог составляться и в письменной форме. За определенную плату текст договора вносился в полном объеме в городские книги. Однако для придания договору юридической силы было достаточно сделать запись о его объявлении в городском суде.

Долгое время в чешском средневековом праве не регулировалась ответственность продавца за скрытые недостатки товара. Исходили из того, что покупатель должен быть внимательным, а продавец имеет право хитрить. В XIII в. договор купли-продажи недвижимости стали снабжать специальными дополнительными соглашениями, значение которых состояло в гарантии отсутствия дефектов в продаваемом товаре. Кроме того, продавец-дисбригатор гарантировал покупателю отсутствие эвикции, т. е. истребования купленной вещи третьим лицом. В противном случае он обязывался вернуть полную стоимость проданного товара. При этом потерпевший получал на треть больше уплаченного, т. е. на 33 % больше продажной цены. Подобный иск мог быть заявлен в течение 3 лет и 18 недель, что по-

чешски звучало «do roka a do dne», т. е. «до назначенного года и дня» [29, с. 216]. Позже ответственность продавца за скрытые недостатки вещи уже не требовала особого соглашения, став прямой его обязанностью.

В XIV в. существовали одновременно две основные формы заключения договоров купли-продажи и иных способов перехода шляхетских имений (мены, дарения). Во-первых, переход мог осуществляться в форме письма, которое в течение известного срока следовало занести в земские доски; во-вторых, переход мог осуществляться и устно посредством «заявления перед чиновниками», но которое должно было заноситься в доски по всей форме.

Недвижимая собственность сводных имений переходила обычно со всеми принадлежащими ей правами: прогона и выпаса скота, сбора сушняка и т. д. Охота и рыболовство всегда сопутствовали феодальному землевладению.

Договор купли-продажи на территории средневековой Беларуси в XIII–XVI вв. был основан на нормах обычного права. Длительное время договор купли-продажи в Великом княжестве Литовском, Русском, Жемойтском, государствообразующим субъектом которого являлась Беларусь, реализовывался посредством простого соглашения сторон. Он вступал в силу и порождал правовые последствия с момента достижения соглашения сторон. Вместе с тем была известна и норма задатка при заключении договора купли-продажи. Это свидетельствует в пользу того, что заключение и исполнение договора купли-продажи не всегда совпадали во времени. Здесь, как и в средневековом сербском праве, договор купли-продажи порождал обязательства сторон не в момент исполнения, а в момент заключения договора.

Форма, порядок реализации сделки, сроки исковой давности, способы исполнения обязательств регламентировались законодательством. При этом законодателя заботила формальная сторона исполнения обязательственных отношений, поэтому заключение договора осуществлялось в письменной форме. Особого оформления требовали сделки, касающиеся недвижимого имущества. Сделки, связанные с землей, требовали не только нотариального засвидетельствования, которое выражалось в их регистрации в судебных книгах, но и обязательного утверждения со стороны высшей государственной власти, т. е. дозволения на совершение указанной сделки от лица великого князя. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из средневековых юридических документов. Так, в текстах Литовской метрики зафиксированы многочисленные факты такого рода. Например, подтверждение о разрешении короля польского, великого князя литовского Сигизмунда I на законное приобретение посредством договора купли-продажи земель на территории Бельского повета подконюшему виленскому Васку Дорошковичу. Далее из указанной грамоты короля польского, великого князя литовского Сигизмунда I, выданной 2 января 1507 г., следует: «... Король, дозволил ему в людеи Бельского повета на имя в Шестомич а в Новоселцовъ, а въ Вервечич, близко Орлеи прыкупити къ совему именеицу, которое он тамъ маеть, в кого на шест, а у в ыного и на десят бочокъ земли» [32, с. 184]. В данном случае зафиксирован факт покупки феодалом В. Дорошковичем земли у старейшин крестьянских родов Шемотича и Вервечича. Наше утверждение основано на том, что «людьми» в указанный исторический период в официальных документах Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского называли глав крестьянских хозяйств [33, с. 205]. Следовательно, даже в начале XVI в. государственные крестьяне Беларуси еще обладали полным правом собственности на землю.

Другой пример из Литовской метрики – «Потвержденье мешчанину мерецкому Григорку Аньдрушковичу купли его у бояр мерецких земель их отчизных и сеножатеи на вечность, на службе земьской» от 28 октября 1510 г., свидетельствует о покупке в Великом княжестве Литовском, Русском, Жемойтском земли мещанами (горожанами) у феодалов. В данной грамоте, выданной королем польским, великим князем литовским Сигизмундом I подтверждается следующее: «Биль намъ чоломъ мешчанин передъ нами, штожь купилъ в боярына мерецкого в Матея Ятовътовича и в брата его Балътромея, и в ихъ де [те] и землю ихъ отъчызьную зъ гайи и зъ сеножатъми за чотырнадцать копъ грошей и за десять грошей обель вечно. Тожъ купилъ в боярына мерецкого ж в Миколая Яновича и въ его своякини Захны, и въ детеи его, землю ихъ властную зъ гайи и зъ сеножатъми, на имя Бутримовъшчину, за чотырнадцать копъ грошей и за десять грошей. И на то и на все листы купчыи перед нами вказываль и былъ намъ чоломъ, абыхмо на то дали ему наш листъ.

Ино мы, выслухавъши тыхъ листовъ купчих, на его чоломъбитъе, то вчынили: на то дали есмо ему сесь наш листъ и потверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вечно ему и его жоне, и ихъ детемъ. Маеть он тыи земли, купленину, дежати со вьсими землями пашьными и барьтными, зъ гайи и сеножатъми, и з мутвицами, и ос вьсимъ с тымъ, какъ в тыхъ вышеписаных бояр купилъ, а намъ маеть с того службу земьскую заступовати» [32, с. 389]. Это важный юридический и исторический факт. Продажа дворянских и крестьянских земельных владений становится обычным явлением в XVI в. для стран Европы с развитыми товарно-денежными отношениями, такими как Англия, Франция и др. В этот период зарождающиеся буржуазные элементы в странах Западной и Центральной Европы скупают

земли феодалов вокруг городов, причем нередко не с целью внедрения новых методов хозяйствования, а лишь с тем, чтобы иметь возможность взимать с крестьян феодальную ренту. Зачастую объектом купли-продажи становилась не сама земля, а связанные с ней рентные права. Следовательно, аналогичное явление в указанный период наблюдалось и на территории Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, что свидетельствует о зарождении в белорусских землях уже в XVI в. буржуазных отношений.

На данный факт указывал в своей докторской диссертации «Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке» профессор И. А. Юхо, в частности, он писал: «Большую роль в превращении феодального права собственности в буржуазное сыграл принятый в июне 1566 г. Берестейским сеймом закон о свободном распоряжении имениями, который был внесен в ст. 1 раздела 7 Статута 1566 г. Этим законом более всего феодальная собственность на имение сближалась с буржуазной собственностью, для которой характерно неограниченное право распоряжения <...> Если прежде при отчуждении имения необходимо было получить разрешение государя или представителей государственной администрации, то по закону 1566 г. сделки о недвижимостях подлежали только засвидетельствованию в земском суде, а между сессиями земского суда можно было их записывать в книге замкового (гродского) суда и в течение года переносить запись из замковых книг в земские. Таких записей довольно много в актах земских судов» [13, с. 283]. Для сравнения, в средневековой Сербии (XIV–XV вв.) заключение и реализация договора о купле-продаже земли, принадлежащей феодалам, с представителями других сословий было делом невозможным. Данное явление было запрещено юридически. Так, ст. 58 «О пронии» Призренского списка и ст. 61 Быстрицкого списка «Законника Стефана Душана» гласит: «Да не волен никто ни продать пронию (поместье), ни купить, кто не имеет башины (наследственной собственности, т. е. вотчины. – *Прим. В. Е.*)...» [34, с. 187; 8, с. 90]. Содержание этой правовой нормы обусловлено тем, что право собственности феодалов на землю нераздельно связано с их правом властвовать над зависимыми категориями населения, которые обрабатывали эту землю, и в целом обусловлено господствующим положением феодалов в обществе.

По древнему обычаю сделки на территории средневековой Беларуси заключались в присутствии заслуживающих доверия свидетелей («годных светков») и сопровождалась исполнением определенных ритуальных действий (рукопожатие, распитие магарыча и т. д.), что свидетельствовало о вступлении в силу договорных отношений. Сделки, заключенные в результате обманных действий, считались недействительными [35, с. 101].

Правовые нормы, закрепленные в ст. 3 раздела 10 Статута Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1529 г., уже предусматривали обязательную письменную регистрацию всех сделок как с движимым, так и недвижимым имуществом, заключенных на сумму свыше десяти коп денег [36, с. 111, 199]. Первоначально данная регистрация осуществлялась в актовой книге, где фиксировались сделки частных лиц, жалобы, протесты, доклады ввозных (судебных должностных лиц) и другие документы в соответствии со временем их поступления в суд. Позже, с развитием правоотношений, возрастающим числом сделок и деловых документов, писари, которые вели актовые книги, начали систематизировать все имеющиеся записи и заносить их в специальные актовые книги для каждой категории дел. При этом за три дня до начала судебной сессии, а также в течение трех дней после ее окончания заинтересованные лица могли внести дополнения в записи актовых книг или получить копии документов и выписки [35, с. 101].

Следовательно, несмотря на существующие определенные различия в нормах гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы, законодательства большинства стран из числа исследованных были в состоянии эффективно защищать интересы сторон в договоре купли-продажи. Законодатели этих стран предусматривали возможность расторжения и изменения содержания договора по инициативе одной из его сторон, если другой стороной ущемлялись ее права. При этом договорное право средневековой Сербии базировалось на южнославянских правовых обычаях и нормах римского частного права, а аналогичные институты права Беларуси, Германии, Польши, Чехии и Швеции сформировались на основе отечественных правовых и судебных обычаев. Не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что уже в XIII–XV вв. в отношении права средневековой Беларуси, Германии, Русских княжеств и Чехии осуществлялась рецепция норм римского права, которая преобразовывала сферу договорных и обязательственных правоотношений, в том числе и порядок практической реализации норм договора купли-продажи, в соответствии с теорией римского частного права [11, с. 106]. Именно благодаря средневековым источникам права Сербии были реципированы и получили правоприменение на территории средневековых русских государств и Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского в рассматриваемый исторический период (XIII–XV вв.) ряд норм римского частного права.

В пользу наших доводов свидетельствует содержание Киевского и Рязанского списков «Кормчей книги» – источника русского церковного и светского права, который датирован 70-ми гг. XIII в. Русские исследователи И. И. Срезневский и Я. Н. Шапов независимо друг от друга установили, что

данный источник является идентичной копией сербского «Номоканона святого Саввы», а точнее его Иловичского списка, который датирован 1262 г. [37, с. 139; 38, с. 135]. Выявленные и исследованные нами списки «Кормчей книги», которые были выполнены на территории Беларуси (Жировичский и Пинский списки), позволили нам согласиться с точкой зрения И. И. Срезневского и Я. Н. Щапова, что основным источником Киевского и ряда других источников «Кормчей книги», которые имели хождение на территории России, Украины и Беларуси, был сербский – Иловичский список «Номоканона» 1262 г. В содержании проанализированных источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохиона» [39, с. 240а–249а, 2676–3276; 40, с. 240а–3166; 41, с. 240а–250а, 268а–3286]. Данный факт свидетельствует в пользу того, что нормы римского частного права были реципированы в право России, Украины, Беларуси и большинства стран Западной Европы почти одновременно. Восточно-римский и сербский пути рецепции норм римского частного права в правовую систему средневековой Беларуси прослеживаются с конца XIII в. [42, с. 38].

Кроме того, обязательственные правоотношения в средневековой Сербии (X–XV вв.) соответствовали достаточно высокому уровню развития производительных сил и производственных отношений феодального общества. Значительное развитие получило в сербском праве договорное и обязательственное право, в том числе договор купли-продажи и порождаемые им юридические последствия.

Проведенный в статье анализ правового материала свидетельствует о тенденции развития договора купли-продажи в праве всех стран средневековой континентальной Европы в форме консенсуального договора.

В договоре купли-продажи в праве средневековой Сербии, Беларуси и ряда других стран континентальной Европы, как и римском частном праве, одна сторона – продавец (*venditor*) обязуется предоставить другой стороне – покупателю (*emptor*) в собственность вещь, товар (*merx*), а другая сторона – покупатель обязуется уплатить продавцу за проданную вещь определенную цену (*pretium*). *Merx* (товар) и *pretium* (цена) являлись существенными элементами договора купли-продажи еще в римском частном праве, где данный вид договора классифицировался как консенсуальный контракт.

Из вышеизложенного следует, что договор купли-продажи как вид консенсуального договора продолжал свое развитие в средневековом праве стран Европы на основе сформированных традиций в римском частном праве и реальной практики эпохи феодализма, которая, безусловно, несколько видоизменила особенности правоприменения данного договора.

2. Договор найма. В Грамотах (хрисовулах) сербских королей и «Законнике Стефана Душана» нет правовых норм, регламентирующих условия договора найма вещи (аренды). Однако с древних времен у южных славян условия договора найма вещи определялись на основе постановлений Дигестов Юстиниана (Кн. XIX, титул II), которые нашли свое отражение в средневековой сербской редакции «Законов царя Юстиниана», «Эклог» и «Земледельческом законе». Они представляли собою правовые акты феодальной эпохи, в основе которых лежали Законы Юстиниана. В указанных источниках договор найма вещи трактовался как договор, в силу которого одна сторона уступает другой не право собственности, а только право временного пользования вещью за определенное вознаграждение. Договор заключался посредством простого соглашения сторон, без соблюдения какой-либо определенной формы. Согласно ст. 1 титула XIII «Эклог» (Славянская «Эклога», титул XII, ст. 1) договор найма не мог заключаться на срок более 29 лет [20, с. 62].

Формирование феодальных отношений способствовало более широкому утверждению института найма (аренды) в сфере землепользования у южных славян. Поэтому в феодальной Сербии приобрел широкое влияние византийский «Земледельческий закон», который был использован наряду с «Законом царя Юстиниана» (ст. 13, 14) для регулирования отношений, связанных с землепользованием. Указанные источники права регламентировали два вида арендных отношений: исполщину и мортитство [22, с. 207–208].

При исполщине тот, кто взял внаем для обработки участок земли, должен был отдать наймодателю половину полученного урожая. Мортит, в свою очередь, возвращал наймодателю одну десятую урожая. Это дает основание полагать, что мортит работал со своим инвентарем, засеивал землю своими семенами и т. д.

Нормы, которые регулируют права и обязанности сторон по договору, защищают интересы наймодателя, который обычно был представителем господствующего класса.

Наймодатель был обязан заботиться о нанятом имуществе, как хороший хозяин. Славянская редакция «Земледельческого закона» предусматривала, что если исполщик, который нанял для обработки поле, засеет его, не распахав предварительно, то он не получает ничего из урожая (ст. 12). Если же кто-либо возьмет в аренду земельный участок для обработки, когда хозяин этой земли находится в отсутствии, и передумает, оставив землю без посевов, то он отдаст за это двойной урожай в соответствии с постановлением ст. 13 славянской редакции «Земледельческого закона» [43, с. 236].

В славянской редакции «Земледельческого закона» выказывалась забота о получении прибыли землевладельцем. Согласно ст. 8, если наниматель-мортит отмерит причитающуюся наймодателю часть урожая без ведома последнего, то он (наниматель) лишается всего урожая. Здесь санкцией является не только возмещение убытков, но и полное лишение нанимателя-мортита какой бы то ни было выгоды, связанной с заключенным договором [43, с. 235].

Статья 1 «Земледельческого закона» дает возможность исполщику делать некоторые отступления от заключенного договора. Однако он должен сделать заявление об этом до начала работы. Предоставляя такое право, закон обеспечивал землевладельцу-наймодателю возможность самому обрабатывать свой участок земли или сдавать его внаем другому лицу. Таким образом, соблюдались государственные интересы, которые выражались в сборе налогов (десятины), и интересы самого землевладельца. На это указывает ст. 14 «Земледельческого закона» и ст. 13 славянской редакции данного Закона, которые гласят, что если исполщик взял землю у землевладельца, который находится в отсутствии (следовательно, не имеет возможности обрабатывать землю и заботиться о ней), то этот исполщик, если он не обрабатывает земельный участок, должен уплатить наемную плату в двойном размере. Следовательно, в отсутствие наймодателя исполщик не имеет возможности отступить от условий договора найма.

Договоры о найме рабочей силы и подряда (договор, имеющий своим предметом достижение определенного результата труда) не были широко распространены в средневековой Сербии. Это объясняется тем, что господствующий класс феодалов в то время пользовался трудом зависимых (крепостных) крестьян, а государственная власть предпочитала устанавливать многообразные повинности на своих подданных, что обеспечивало ей возможность не прибегать к широкомасштабному использованию наемной рабочей силы.

На практике чаще применялся договор подряда. Сербские ремесленники во времена средневековья работали преимущественно по поручению заказчика, и договоры, которые определяли вид их деятельности, являлись договорами подряда. В пользу этого свидетельствует полная редакция «Закона Судного Людем», из содержания которого следует, что если портной испортит материал вследствие неумения шить или злонамеренности, то он должен быть избит и лишен вознаграждения [44, с. 110].

Значительный интерес для нас в целях сравнительного анализа представляют нормы, регламентирующие порядок договора личного и имущественного найма в средневековом германском праве, которые изложены в «Саксонском зеркале». Согласно постановлению «Саксонского зеркала» (Кн. 2, ст. 32, § 2–3) господин мог во всякое время прогнать своего слугу, но должен был заплатить ему за проработанное время; если же слуга по собственному желанию уходил от господина до окончания срока найма, то он обязан был уплатить господину сумму своего жалованья, а все уже полученное вернуть в двойном размере [25, с. 63]. Уйти со службы от господина без указанных последствий слуга мог только в случае женитьбы или если он был опекуном над малолетними детьми [25, с. 63].

Пропажу имущества слуги, происшедшую на службе без его вины, господин, согласно постановлению ст. 6 Кн. 3 «Земского права», обязан был возместить, но за действия слуги господин ответственности не нес, а сделки, совершенные слугой помимо воли господина в отношении имущества последнего, считались юридически ничтожными [25, с. 82]. Заработанная плата слуги подлежала уплате из наследственного имущества господина в первую очередь.

Развитие товарно-денежных отношений вело к постепенному становлению новых гражданско-правовых норм, институтов, использованию норм рецепированного римского права. Появляется новая форма передачи земельных участков в собственность «с обременением». В результате такой продажи земельного участка покупатель и возможные последующие приобретатели обязаны были выплатить первоначальному собственнику часть доходов с приобретенного участка. Об этом свидетельствует § 7 ст. 48 Кн. 2 «Земского права» [25, с. 70].

Основы, регламентирующие договор найма в средневековом Германском и Сербском праве, содержатся в постановлениях «Саксонского зеркала» (ст. 46, 48 Кн. 2 «Земского права») и славянской редакции «Земледельческого закона» (ст. 8, 9, 23). Нами выявлен ряд аналогий в содержании указанных источников права, что свидетельствует о факте рецепции данных норм в средневековое германское право из источников зарубежного права в XIII в. При этом не исключаем и возможность заимствования указанных норм в германское законодательство из славянской редакции «Земледельческого закона».

Постановления, изложенные в «Саксонском зеркале», не содержат правовой регламентации механизма реализации договора подряда. Однако на практике данный вид договорных отношений достаточно широко использовался в хозяйственной деятельности средневековой Германии. Вероятнее всего, механизм регулирования данного вида договора был построен на нормах правового обычая, который находит свое отражение в ряде постановлений «Саксонского зеркала». Статья 38 Кн. II «Земского права» предусматривает обязательное возмещение материального ущерба, причиненного в

результате небрежности какого-либо лица [25, с. 66]. Данная норма созвучна с вышеуказанным постановлением «Закона Судного людем» – источника славянского права IX в.

Договор найма в средневековом чешском праве имел три разновидности: договор личного найма; договор, заключаемый с подмастерьем; договор об ученичестве. Договор личного найма (услужения) заключался с представителями сельской и городской бедноты и по своему содержанию приближался к договорам о холопстве.

Договоры услужения заключались обычно на год, в определенные дни, в Чехии – на праздник святого Мартина. В тот же день истекал срок предыдущего договора. Заключение договора связывалось с передачей задатка, уплачиваемого наемному работнику. Плату за работу он получал по окончании срока договора [30, с. 415]. Уже в XVI в. чешским сеймом были приняты «установы» о челяди. Они предписывали, что лицо, претендующее на работу, должно предоставить письменное разрешение от своего господина, т. е. пана [31, с. 93]. Уставы о челяди разрешали (хотя и формально) ограниченное телесное наказание.

Договоры найма подмастерьев и учеников регулировались в XIII–XIV вв. цеховым правом, т. е. предписаниями и обычаями объединенных в цеха ремесленников.

Договор личного и имущественного найма в средневековой Польше не получил значительного распространения. Возможно потому, что тогда в стране господствовало натуральное хозяйство с крепостнической формой эксплуатации непосредственных производителей. В польском законодательстве XIII–XIV вв. мы встречаем только два примера договора найма: ст. XXIII «Польской правды», сообщающая о найме заместителя для участия в судебном поединке при заболевании представителя одной из тяжущихся сторон, и ст. XXVI того же источника, говорящая о найме пастухов [27, с. 27–29].

Гораздо более разнообразной по форме и содержанию была регламентация договора личного и имущественного найма в средневековом Русском законодательстве в сравнении с Чехией и Польшей. Уже в источнике права XIV в. (ст. 39–41 «Псковской Судной грамоты») регулировались отношения, вытекающие из договора найма.

Договор найма в русском средневековом праве заключался, как правило, устно, без формальностей. Сторонами в договоре являлись государь и мастер (плотник или наймит). Исследователи считают, что государь в памятниках права того времени – это «господин» или «хозяин». Второй стороной в сделке являлся мастер, т. е. подрядчик. Подрядчик или наймит – лицо свободное [45, с. 335]. Согласно ст. 40 «Псковской Судной грамоты» он может расторгнуть договор и уйти, может выставить судебный иск в отношении заказчика (хозяина) [45, с. 335]. Договор подряда заключался на время («отстоит свой урок») или для выполнения определенной работы («свое дело отделают»).

Устный порядок заключения договора сказывался и на порядке судопроизводства в случае возникновения спора сторон. Процесс начинался закличем, т. е. объявлением наймитом своих претензий к господину (заказчику) на торгу или ином общественном месте. Однако представляется, что заклич необходим для выявления свидетелей – «окольных» соседей, сторонних людей, которым были известны условия договора и то, что он был выполнен истцом. Это не «послухи», а именно сторонние люди, которые способны свидетельствовать очевидное.

В статье 41 «Псковской Судной грамоты» законодатель высказывается в пользу оформления договора найма путем записи. В случае, если договор не получил указанного оформления, запись не была

составлена и возник спор, то ответчик оказывался часто в сложном положении. Именно такой случай предусматривает ст. 41 Грамоты, когда наймит-плотник, не выполнивший весь объем работы, мог претендовать на всю оплату: «ино государю у креста положить чего сочить (т. е. заплатить все, что требует наймит, относительно чего он сочить – предьявляет иск. – *Прим. В. Е.*)». Но ответчик (государь) может попытаться и защитить свои интересы, оспаривая в суде притязания наймита (или государь сам поцелует), принеся присягу и доказывая тем самым свою правоту [45, с. 335].

Наем недвижимостей по средневековым русским законам выражался в форме арендного соглашения, заключавшегося иногда на «вечные времена» (в сделках с неотчуждаемыми тяглыми имуществами. – *Прим. В. Е.*), что фактически сближало его с договором купли-продажи [23, с. 150].

Средневековое законодательство Беларуси также располагает нормами о договоре найма имущества. Наем недвижимого имущества здесь выступает в форме арендного соглашения. Добровольное обязательство (наем) человека «вольного похожего», данное им при переходе к другому феодалу на условии аренды имущества, считалось законным, когда было письменно оформлено и подписано тремя пользующимися доверием шляхтичей. При личном найме свободный человек – наемный работник по своему статусу приравнивался к категории зависимых людей, которых господин мог наказывать по своему желанию [46, с. 63]. Личный наем, который заключался в соответствии с договором об использовании труда, мог выражаться в виде домашней службы, земледельческих и ремесленных работ и т. д. Договор о домашней службе требовал ежегодного перезаключения.

Закон ограничивал личный наем для некоторых категорий населения: запрещалось служить представителям христианской конфессии у евреев и татар. Однако на практике этого не придерживались. Со временем при заключении договора личного найма в практику вводилось предъявление подтверждения от прежнего нанимателя о способностях нанимаемого работника исполнять те или иные обязанности. Данное подтверждение способствовало обеспечению интересов нанимателя при заключении договора с наемными работниками.

В городах наемные отношения регламентировались особыми правилами, которые были связаны с условиями цеховой ремесленной организации. Обычно наемные отношения сводились к договору о найме между цеховым мастером и его учеником. Форма договора, условия и срок его реализации зависели от многих обстоятельств, в том числе и от устава конкретной цеховой организации [35, с. 114]. При исполнении поручений заказчика ремесленники в средневековой Беларуси, как и в Сербском королевстве и других странах континентальной Европы, руководствовались нормами договора подряда.

Договор найма в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы по своему содержанию (как и соглашение *locatio conductio* в римском частном праве) был комплексным договором. Этот договор заключали лица, нуждающиеся во временном пользовании чужими вещами, при условии уплаты определенного вознаграждения хозяину этих вещей. Этот договор заключали и лица, нуждающиеся в услугах других людей, которые соглашались оказывать такие услуги за определенное вознаграждение; заключали договор подобного рода и лица, вынужденные предоставлять свои способности в распоряжение тех, кто хотел эти способности использовать, выплачивая работнику определенное вознаграждение. Все упомянутые соглашения являлись по своему характеру консенсуальными и двусторонними договорами, которые заключались путем достижения согласия сторон, где одна сторона обязывалась передать какую-либо вещь или предоставить в распоряжение свои способности другой стороне соглашения.

Следовательно, в праве средневековой Сербии, как и большинства стран континентальной Европы того времени, использовались договоры найма вещей и подряда. Договор найма вещей являлся консенсуальным и двусторонним и устанавливался согласованным волеизъявлением арендодателя и нанимателя (арендатора), по которому арендодатель предоставлял какую-либо вещь для временного пользования арендатору при обязательстве последнего пользоваться этой вещью бережно, возвратить ее в определенный срок неповрежденной и уплатить за пользование вещью определенное вознаграждение.

В свою очередь, договор подряда в праве средневековой Сербии, как и других стран средневековой континентальной Европы, являлся консенсуальным и двусторонним, как в римском частном праве. Он устанавливался согласованным волеизъявлением заказчика (*locator*) и подрядчика (*conductor*) работы (*opus*). На основании этого договора заказчик поручал подрядчику исполнить какую-либо физическую работу, а последний обязывался за определенное вознаграждение выполнить эту работу.

Дело (*opus*) в исследуемом праве средневековых стран, как и в римском частном праве, являлось предметом договора, состояло в исполнении точно определенной физической работы, необходимой для достижения заранее запланированного результата (обработки земельного участка) или производства какой-либо вещи (постройка дома).

Вознаграждение, которое подрядчик (*conductor*) получал за выполнение работы, состояло, как правило, в определенной сумме денег, но могло выплачиваться и в натуральной форме. Договор подряда был срочным. Работу следовало выполнить и сдать в оговоренный сторонами срок. Если стороны не устанавливали конкретный срок, считалось, что работа должна быть выполнена в разумный срок, т. е. за время, обычно необходимое для выполнения работы такого рода с учетом ее объема и качества. В данном договоре права и обязанности контрагентов были коррелятивными. Заказчик предоставлял подрядчику материал и инструменты, необходимые для выполнения качественной работы. Подрядчик должен был добросовестно выполнить все работы, а результат представить заказчику. Уплата вознаграждения совпадала со сдачей выполненной работы. В случае недобросовестно выполненной работы, профессиональных упущений или просрочки подрядных работ подрядчик нес за это ответственность, как и в римском частном праве (*in imperitia, culpa in eligendo, casus leviores*).

3. Договор товарищества. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические и юридические источники позволяют сделать вывод, что хозяйственная деятельность в средневековых сербских, белорусских, германских и итальянских городах развивалась на основе корпоративных отношений. Важным элементом ее правовой основы являлся договор товарищества. В сербском средневековом праве регламентация данного вида договора базировалась на рецепированных нормах римского частного права. Так, содержание постановления ст. 1 титула XI восточно-римской «Эклоги» было рецепировано в нормы ст. 1 титула XII славянской «Эклоги», которая содержит в себе механизм

реализации договора товарищества, характерного для правоприменения в средневековой Сербии и Болгарии. В свою очередь, известное нам постановление «Эклоги» базировалось на нормах классического римского права, которые были впервые изложены в титуле II книги XVII «Об иске, вытекающем из товарищества» (*Pro socio*) «Дигестов Юстиниана» 530 г. (н. э.) издания. Данный договор представлял собой простое соглашение сторон, не требовавшее особых формальных условий. Он по своему содержанию имеет сходство с договором купли-продажи, найма, поручения. Существенной чертой договора о товариществе является наличие общности имущества. Договор о товариществе требовал от всех его участников добросовестного исполнения взятых на себя обязательств по договору. Данный договор мог заключаться пожизненно или быть ограниченным определенным сроком.

В «Эклоге», как и в законодательстве императора Юстиниана, для реализации процедуры образования товарищества требовалось письменное или устное согласие между двумя или более лицами. Согласно нормам «Эклоги» участие в товариществе не требовало обязательного равенства вносимых вкладов в общее дело: допускалось учреждение товарищества и тогда, когда доли соучредителей не были равными или когда кто-либо вносил вклад, другие же – свои силы и труд [20, с. 139].

Наиболее типичным примером реализации договора товарищества в средневековой Сербии была сфера торговой деятельности. Купец, отправлявшийся в торговую экспедицию, предварительно объединял свои усилия с другим лицом, от которого получал денежный или товарный взнос. Так рождалась основная ячейка торговой деятельности, именуемая в документах того времени компанией или товариществом, которая могла выступать в форме «коллеганца», если вклад в компанию одной из сторон договора осуществлялся путем кредитования, т. е. был выражен в деньгах. Товарищество могло именоваться «роганцей», когда одна из сторон договора вносила товарный взнос в реализуемое предприятие. Но в обоих случаях одна из сторон договора выступала в роли исполнителя торгового поручения («трактатора»), а другая – кредитора. Реальную практику создания подобных компаний позволяют представить нотариальные акты XIII–XIV вв. из городов Дубровника, Котора, Трогира и Задара. Наиболее типичными для средневековой Сербии являются Трогирские торговые компании. По своему численному составу они были немногочисленными, два-три участника; размер вкладов в большинстве своем был невелик, чаще всего от 23 до 120 лир, инвестиции свыше 1 тыс. лир почти не встречаются. Представители городского нобилитета обычно выступали в роли кредиторов и вносили большие суммы, в среднем 838 лир, в то время как взносы непривилегированных горожан не превышали 116 лир [47, с. 188].

Размер денежных вкладов в торговые компании г. Задара был значительно меньшим, чем в городах Дубровнике и Трогире. В среднем они составляли от 10 до 50 лир. Крупные суммы встречаются крайне редко. Данное явление можно объяснить тем, что исполнителями непосредственных торговых операций в рамках договора товарищества в г. Задаре часто выступали не профессиональные купцы, а пожелавшие улучшить свое материальное положение ремесленники или моряки.

Значительный интерес для нас представляет практика раздела прибыли между членами товариществ подобного рода. В средневековой Сербии норма раздела прибыли была следующей: 33 % или одну треть получал кредитор и 66 % – купец-исполнитель, который ничего, кроме своего труда не вносил в данное предприятие [18, с. 308]. Для сравнения, в аналогичных итальянских компаниях XII–XIV вв. был заведен следующий порядок раздела полученной прибыли: кредитор получал львиную долю прибыли – 75 %, а купец-исполнитель только 25 % от доли полученной прибыли [18, с. 309]. Отличие весьма существенное, особенно если учесть, что оно практиковалось повсеместно на восточном побережье Адриатики. Вероятнее всего, сербские купцы-исполнители, в отличие от итальянских, должны были за свой счет набирать и оплачивать экипажи своих кораблей. Именно этот факт дает нам объяснение тенденции роста числа торговых товариществ в средневековых городах Сербии и всего западного побережья Балканского полуострова, где не только состоятельные купцы, нобели и судовладельцы, но и рядовые горожане, ремесленники, матросы и рыбаки, скопив несколько дукатов, стремились найти способ вложить их в организацию торговых экспедиций.

Ликвидация товарищества происходила либо вследствие единогласного решения об этом всех членов товарищества, либо в результате одностороннего заявления о выходе из товарищества одного из его соучредителей. Оно могло быть ликвидировано и в случае смерти одного из соучредителей, если не было установлено заранее, что выбытие того или иного лица не разрушает товарищества. Выбывший был обязан возместить убыток, причиненный его выходом из товарищества. В случае, если имелись ранее начатые общие дела, он продолжал отвечать вместе с остальными членами товарищества за возможные убытки в данном предприятии, хотя и лишался права на участие в возможной прибыли.

Ликвидация товарищества, организованного с определенной целью, могла происходить и вследствие достижения этой цели или если выяснялась невозможность ее достижения, или же, наконец, вследствие исчерпания средств. Товарищество могло быть ликвидировано и в результате возбуждения судебного иска одного из соучредителей против остальных соучредителей.

Средневековое право Беларуси также знало порядок применения договора товарищества. Наиболее часто данный вид договора находил свое правоприменение в сфере организации торговли. В этой связи уместно отметить, что в средневековом праве Сербии регламентация договора товарищества в основном базировалась на нормах римского права. Регламентация договора товарищества в белорусском средневековом праве в значительной степени базировалась на правовом обычае местного славянского населения. При этом мы не отрицаем и факта влияния римского права. В пользу данного довода свидетельствует анализ источников средневекового права, которые имели широкое правоприменение на территории Беларуси: «Русской Правды» и «Псковской Судной грамоты». Так, ст. 48, 54 и 55 Пространной редакции «Русской Правды» регламентируют деятельность купеческого товарищества: торговлю в складчину, реализацию механизма взыскания доли своего вклада в уставной фонд товарищества и размер причитающейся прибыли [45, с. 67, 68, 100, 102, 103]. Статья 92 «Псковской Судной грамоты» регламентирует порядок разрешения споров между членами товарищества в процессе его ликвидации [45, с. 340, 377].

Таким образом, для населения средневековой Сербии и Беларуси в XII–XV вв. понятие юридического лица уже было доступно для понимания, и более того, определенная часть экономически активного населения изучаемых нами стран принимала непосредственное участие в его создании и последующем функционировании. Данный процесс осуществлялся путем практической реализации договора товарищества. При этом следует признать, что данному процессу в определенной степени способствовала рецепция норм римского права в юридические источники вышеуказанных стран. Например, Византийский «Номоканон» – сборник правил церковных соборов IV–VII вв., правил епископов и установлений о церкви императоров Восточноримской империи – был основным источником церковного и гражданского права Восточноримской империи, Болгарии и Сербии XI–XII вв., а также являлся вспомогательным источником права на территории средневековой Беларуси и Русского государства XIV–XVI вв. В пользу нашего довода свидетельствует русская редакция «Номоканона», получившая название «Ефремовской Кормчей».

В 1219 г. глава сербской православной церкви, епископ, ставший известным в истории под именем святого Саввы, и его родной брат, король Сербии Стефан Первовенчанный, подготовили сербскую отечественную редакцию «Номоканона» на старославянском языке. Этот свод церковного и светского права в славянском мире часто называют «Кормчей книгой». Начиная с XIII в. сербская редакция «Кормчей книги» или «Номоканона» получила широкую популярность в вопросе правоприменения как источник церковного и светского (гражданского) права в восточнославянских землях. Только в архивах современной России находится на хранении свыше 30 списков сербской редакции «Номоканона», которые датированы XIII–XVI вв. Так, в Дечанском списке сербского «Номоканона», который имел хождение на Руси с конца XIII в., установлены фрагменты текстов «Эклоги». Этот факт получил известность благодаря исследованиям русского ученого, доктора исторических наук Я. Н. Шапова в 70-е гг. прошлого века [38, с. 132].

Автору данной статьи удалось выявить и исследовать два списка «Кормчей книги» (Жировицкий и Пинский), которые имели хождение на территории средневековой Беларуси. В содержании проанализированных нами источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохирона» [40, с. 240а–316б; 41, с. 240а–250а, 268а–328б]. Следовательно, «Эклога» в средневековой Беларуси, так же как и в Сербии, была достаточно известным источником права, поэтому у нас не вызывает удивления тот факт, что нормы римского частного права, содержащиеся в «Эклоге», достаточно часто применялись при реализации договора товарищества на территории Беларуси в XIII – первой половине XVI в. Об этом свидетельствует письменное распоряжение великого князя литовского Сигизмунда, сделанное 24 января 1509 г. в пользу товарищества брестских собирателей воска, которое гласит: «Чиним знаменито сим н(а)шимъ листом, штож восковничие берестейские Данко и Михел Рябичкович и зъ своими товариши держали коморы Берестейские восковую и соляную два годы без мала почон от Громниц, которое с(вя)то было инъдикта десятого, до Трех Кролевъ, которое св(я)то инъдикта второгона-десять (2.02.1507 по 6.01.1509 гг.), и положили нам на личбе, иж в тые два годы собрали з восковое коморы тысячу копь и дванадцать копь и пятнадцать гр(о)шей, с тыми воски, што сам Михел вывез за границу осмъсотъ каменей и одиннадцать каменей.

А зъ соляное коморы собрали пясотъ копь и девятнадцать копь гр(о)шей. А што Михел брал п(е)н(е)зи з восковых и зъ соляных комор, з Луцкое и зъ Берестейское, и зъ Володимерское, и он со всего с того нам личбу выдал сполна. А особъно в Дорогичине Михел взял тридцать копь и пять копь грошей и то намъ на личбе положил. И звышь того остали ещо имъ вини, што выдали на н(а)шы

потребы, сорокъ копь и пять копь без осми гр(о)шеи, и они то мають себе vybrати 3 восковое и соляное коморы Берестейское.

И на то есмо им дали сесь н(а)шъ лист з нашоу печатю.

П(и)сан у Вилни, ген(варя) 24 день, инъдикт 12» [32, с. 152].

Процитированный выше документ позволяет сделать вывод, что договор товарищества в средневековой Беларуси трактовался как соглашение, в силу которого каждый из членов товарищества вносил что-либо для достижения определенной цели хозяйственного характера. Вкладом, который вносили члены товарищества, могли быть деньги, вещи, а также труд участников сообщества. Следовательно, бывали уже в те времена случаи, когда одни члены товарищества вносили свое имущество, а другие – свое умение и труд. Все члены товарищества имели право участвовать в распределении прибыли, которое происходило в соответствии с условиями договора. Аналогичным способом происходило и распределение убытков. Таким образом, содержание договора товарищества в средневековой Беларуси, Сербии и ряде других стран континентальной Европы было тождественно. В его основе лежали нормы римского частного права.

Проведенный в данной статье анализ правового материала свидетельствует о наличии тенденции тяготения договора товарищества в праве исследуемых стран к форме и содержанию консенсуального договора. Он, как и договор товарищества (*societas*) в римском частном праве, являлся консенсуальным двусторонним или многосторонним договором и устанавливался согласованным волеизъявлением участников договора (*socii*) создать совместное имущество для определенной деятельности всех членов и разделения между ними дохода, получаемого от этой деятельности.

Члены товарищества были наделены многочисленными взаимными правами и обязанностями. Основной обязанностью каждого товарища являлось внесение в товарищество всего имущества или определенной его части. Вклады товарищей, из которых создавалось имущество товариществ, не всегда были материальными. Вкладами могли считаться и некоторые права, даже трудовые способности отдельных товарищей. Следующей обязанностью каждого товарища было участие в управлении и хозяйственной деятельности товарищества. Кроме того, обязанностью каждого товарища было предоставлять в распоряжение других *socii* всего дохода сообщества и разделять его согласно договору среди всех членов товарищества, а также разделять бремя убытков товарищества (*communicatio damni*) согласно условиям договора.

Права товарищей в римском частном праве были коррелятивны их обязанностям: каждый товарищ имел право требовать от других внесения в товарищество договорного имущества, участия в управлении и хозяйственной деятельности товарищества, внесения доходов и возмещения убытков товарищества. Иными словами, каждый участник соглашения о товариществе был правомочен заботиться об исполнении договора товарищества, т. е. требовать от всех участников соглашения выполнения обязанностей, отвечающих задачам товарищества: получения дохода и его разделения согласно условию договора.

Заключение. Подводя итог исследования консенсуальных соглашений в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы, мы пришли к следующим выводам:

1. Форма заключения консенсуальных договоров в праве средневековой Сербии и других стран континентальной Европы, как и в римском частном праве, представляла собой согласование волеизъявления сторон соглашения, или обычный *consensus*.

2. Предметом консенсуального договора в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы, как и в римском частном праве, могли быть все те вещи, которые могли быть предметом престации обязательственных отношений. По данному элементу договоры не отличались от других обязательственных отношений: они являлись одним из видов обязательств.

3. Заключение консенсуальных договоров (купли-продажи, найма, аренды, товарищества) не требовало ни передачи вещи, ни письменных обязательств. Обязательства устанавливались сразу по достижении согласия сторон, участвующих в договоре, вне зависимости от того, как оно было достигнуто.

4. Проанализированные нами виды консенсуальных договоров являлись важнейшими договорами в хозяйственном обращении. При заключении договоров данного вида требовалась большая свобода и оперативность. Этому в определенной степени способствовал процесс рецепции норм римского частного права в правовые системы средневековой Сербии и стран континентальной Европы. Однако не следует и преувеличивать влияние рецепции римского частного права на формирование консенсуальных соглашений права вышеуказанных стран. Консенсуальные соглашения в праве стран средневековой Европы, в том числе Сербии, Беларуси, Германии, Польши, Чехии, Швеции и русских средневековых княжеств, развивались не только на основе традиций римского частного права, но и реальной практики феодальных отношений, которая значительно видоизменила особенности правоприменения данной группы договоров. Кроме того, консенсуальные договоры развивались и в рамках многих правовых систем мира, которые не были связаны с нормами римского частного права.

Становление некоторых из них произошло почти на 1,5 тыс. лет раньше, чем сформировалась система римского частного права. Например, договоры купли-продажи, найма, аренды и товарищества развивались задолго до появления древнеримского государства и, соответственно, римского частного права, как, например, институты «Законов царя Хаммурапи», которые были разработаны и приняты в XVIII в. до н. э.

5. Далеко не все нормы римского частного права нашли свое применение в праве стран средневековой Европы. Однако необходимо признать, что правоприменение консенсуальных договоров в праве средневековой Сербии, Беларуси и других стран Европы сыграло позитивную роль в истории развития права. Это способствовало формированию современного взгляда на консенсуальные договоры как сделки, порождающие гражданские права и обязанности с момента достижения сторонами соглашения. Данное понимание характера консенсуального договора спустя несколько столетий нашло свое отражение в основных правовых системах современного мира, и прежде всего в англосаксонской и романо-германской системах. В XXI в. невозможно представить гражданское право ни в одной из стран мира без наличия в нем разновидностей консенсуальных договоров. Например, Гражданский кодекс Республики Беларусь современную трактовку консенсуальных договоров излагает в ст. 63–104, 424–475, 577–732. Кроме того, консенсуальные соглашения широко применяются и в международном частном праве. На основе международного договора купли-продажи построена вся современная архитектура внешней торговли Республики Беларусь, Сербии и всего мирового сообщества.

Библиографические ссылки

1. *Зигель Ф.* Законник Стефана Душана. – СПб. : Общественная польза, 1872.
2. *Костић К. Н.* Стара српска трговина и индустрија: студија из културне историје српског народа у средњем веку. – Београд : Коларчева задужбина, 1904.
3. *Соловјев А. В.* Уговор о куповини и продаји у средњовековној Србији // Архив за правне и друштвене науке. – Свеска XXXII. – Београд, 1927. – С. 429–448.
4. *Тарановски Т. В.* Историја српског права у Немањинској држави. – Део 3: Историја грађанског права. – Београд : Г. Кон, 1935.
5. *Равковић Н. Ф.* Pravo preče kupovine u običajnom pravu Srba u Hrvata. Studija iz pravne etnologije. Doktorska disertacija branjena 25 maja 1970 godine na Filozofskom fakultetu u Beogradu pred komisijom... – Beograd : Univerzitet u Beogradu, 1972.
6. *Гњатовић Д.* Добри и зли динари: функције новца и новчани систем средњовековне Србије. – Београд : Јусловенски преглед, 1998.
7. *Марковић Б.* Уговор о купопродаји према законодавству цара Стефана Душана // Средњовековно право у Срба у огледалу историјских извора : зборник радова са научног скупа одржаног 19–21 марта 2009 г. / уредници С. Ђирковић, К. Чавошки. – Београд : САНУ, 2009. – С. 57–75.
8. *Ермолович В. И.* Право средневековой Сербии (XII–XV вв.) : монография. – Минск : БГЭУ, 2003.
9. *Ермолович В. И.* Институты договорного права в законодательстве Сербии (XII–XV вв.) // Традиција и современост : Зборник радова са научног скупа (Бања Лука, 4–6 новембра 2004 г.). – Бања Лука : Филозовски факултет у универзитету, 2004. – С. 823–833.
10. *Ермолович В. И.* Основне институције облигационог права (Упоредна анализа законодавства средњовековне Србије и Белорусије) // Јединство православних Словена. – Књ. 1. – Источно Сарајево: Филозовски факултет, 2006. – С. 160–184.
11. *Ермолович В. И.* Эволюция консенсуального договора в праве средневековой Сербии и Великого княжества Литовского // Весник БДЭУ. – 2011. – № 3. – С. 99–108.
12. *Ермолович В. И.* Основные институты обязательственного права (сравнительный анализ законодательства средневековой Сербии и Великого княжества Литовского) // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – С. 113–126.
13. *Юхо И. А.* Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Минск, 1979.
14. *Доўнар Т. І.* Развіццё агульназемскага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях : дыс... д-ра юрыд. навук: 12.00.01. – Мінск, 1997.
15. Закон о рудницима деспота Стефана Лазаревића / превод и правно историјска студија Б. Марковић. – Београд : Српска Академија наука и уметности, 1985.
16. *Ермолович В. И.* Юридическое лицо в эпоху средневековья (анализ норм права Сербии и стран континентальной Европы) // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 21 / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2010. – С. 91–107.
17. *Ермолович В. И.* Консенсуальные контракты: теория и практика применения в средневековых славянских странах // Право и экономика – прикладные новации : материалы респ. науч.-практ. конф. (г. Минск, 27 мая 2011 г.) / редкол. : Г. Б. Шишко [и др.]. – Минск : Интегралполиграф, 2011. – С. 226–231.
18. *Ермолович В. И.* Договор товарищества в средневековом сербском и белорусском праве (XII–XV вв.) // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхо / рэдкол. : С. А. Балашэнка (гл. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2012. – С. 307–312.
19. *Јанковић Д.* Историја државе и прва феудалне Србије (XII–XV век). – 3-е изд. – Београд : Научна књига, 1961.

20. Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Лившиц. – М. : Наука, 1965.
21. *Новаковић С.* Законски споменици српских држава средњег века. – Београд : Српска Академија наука, 1912.
22. *Флоринский Т. Д.* Памятники законодательной деятельности Душана царя Сербовъ и Грековъ. Хрисовулы. Сербский Законник. Сборники византийскихъ законовъ. – Киевъ : Императорский университет св. Владимира, 1888.
23. *Ермошин В. В., Ефремова Н. Н., Исаев И. А.* Развитие русского права в XV – перв. пол. XVII в. – М. : Наука, 1986.
24. *Ливанцев К. Е.* История государства и права феодальной Польши XIII–XIV вв. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958.
25. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / под ред. академика АН УССР В. М. Корецкого. – М. : Наука, 1985.
26. Ландслаг короля Магнуса Эрикссона / пер. со старошведского и прим. С. Д. Ковалевского // Средние века : сб. Вып. 26. – М. : Наука, 1964. – С. 185–203.
27. *Księga prawa zwyczajowego polskiego z wieku XIII // Starodawne prawa polskiego pomniki.* – Kraków, 1870. – Т. II. – S. 14–34.
28. *Starodawne prawa polskiego pomniki.* – Warszawa, 1856. – Т. I.
29. *Ванече В.* История государства и права Чехословакии. – М. : Юрид. лит., 1981.
30. *Bilý J. L.* Právní dějiny na území České Republiky. – Praha : Linde Praha, 2003.
31. *Ермолович В. И.* Гражданское право средневековой Чехии (общий взгляд на проблему) // Веснік БДЭУ. – 2005. – № 5. – С. 91–96.
32. *Lietuvos metrika.* – Kn. 8. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijis leidykla, 1995.
33. *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). – Минск : Навука і тэхніка, 1993.
34. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / уредник академик М. Беговић. – Београд : Српска Академија наука и уметности, 1981. – Књ. II.
35. *Доунар Т. I.* Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях. – Мінск : Выд-ва Еўрапейскага гуманітарнага ун-та «Пропилеі», 2000.
36. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под. ред. академика АН Литовской ССР К. Я. Яблонскаса. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960.
37. *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вѣковъ). – 2-е изд. – СПб. : Императорская Академія Наукъ, 1882.
38. *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М. : Наука, 1978.
39. *Arhiv Jugoslavenska akademija znanosti I umjetnosti v Zagrebe.* – F. 3. – Op. 1. – С. 9. – Законоправило или Номоканон Светого Саве. Иловички препис 1262 година.
40. Библиотека Литовской академии наук. – Фонд 19. – Оп. 1. Ед. хр. № 243. Белорусская «Кормчая книга». Жировичский список 1609 г.
41. Библиотека Литовской академии наук. – Фонд 19. – Оп. 1. Ед. хр. № 242. Белорусская «Кормчая книга». Пинский список 1634 г.
42. *Ермолович В. И.* Рецепция норм римского права в правовую систему Великого княжества Литовского // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции : материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 11–12 марта) / редкол. : Г. А. Василевич [и др.]. – Минск : Веды, 2008. – С. 37–39.
43. Византийский Земледельческий закон / под ред. И. П. Медведева. – Л. : Наука, 1984.
44. *Бобчев С. С.* Старобългарски правни паметници. – София, 1903.
45. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 1: Законодательство Древней Руси. – 1984.
46. *Доунар Т. I.* Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV–XVI стагоддзяў. – Мінск : БДУ, 1997.
47. *Фрейденберг М. М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XIII–XV вв. – Калинин : Калининский гос. ун-т, 1972.

Поступила в редакцию 03.04.2012.